

16+

**Наталья
TalisToria
Белоненко**

**Долгий путь,
или
Хрупкие люди**

Наталья «TalisToria» Белоненко

Долгий путь, или Хрупкие люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63551592

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96340-5

Аннотация

Отцы и дети. И зависимости.

Это история-посвящение. Печаль из детства. И поиск хэппи-энда, пускай и наивного.

Это мое пожелание счастья, и широкоформатная просьба: «сбереги себя»! Нужен!

Это посвящение счастливчику и харизмату, которому справиться со своей удачливостью не хватило воли, разборчивости и ума.

Случайно ли? Почему даются такие судьбы?

Это о проблемах из детства, которые мучают всю жизнь и обладают магнетизмом для окружающих, формируя личность незаурядную, и о моей вере в то, что с ними все же можно справиться, оставив себе отжим лучшего. Это о том, как важна вера в себя... И в ближнего. Для успеха и для Жизни. О благодарности, утрачивая которую, утрачиваешь ценность и объективность оценки реальности. Все началось с 2-часового декабрьского сентиментального наброска. Хотя... Раньше) Горрраздо.

Это о том, как молодость – «могла», а старость – еще не пришла... Как все со временем приобретает другое значение.

Как долго может тянуть за собой прошлое... Казалось бы, такое сиюминутное.

Содержание

1. Ех/Бывшая / Та (Из вне/Когда-нибудь)	6
2. First/первая. (Издали/Когда-то)	20
3. Родная. (За руку)	52
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Наталья Белоненко
Долгий путь, или
Хрупкие люди

1. Ех/Бывшая / Та (Из вне/Когда-нибудь)

"Take That" – "Pray".mp3

Бриссия Ноллан проснулась с мыслью, что дочь сегодня в отъезде по работе. Хотя вот уже несколько лет как приучила себя не просыпаться с запросом «а где Тейн?». Один из благоприятных признаков для созависимых – признать, что эта проблема – она навсегда, и контроль как проявление к близким является ее частью и «лакмусовой бумажкой» текущего состояния. А дочери 25. И, пускай, она живет частично с матерью, но она – вольна иметь личную жизнь. Свой круг общения, свои интересы. И общаться с отцом.

Да.

Незримое присутствие Райса в их жизни на сегодняшний момент свелось к осторожным упоминаниям дочери только в качестве пояснения своих планов, либо в ответ на ее собственные редкие вопросы.

Нет, не расспросы. А просто вежливость. Они разведены уже больше 20 лет. И на момент развода говорили лишь через адвокатов, а после – не говорили и вовсе. Вообще никогда. Были длинные отрезки жизни, когда он никак не упоминался на столько, что начинал казаться мифом, потом в очередной раз звучал точечной выходкой в СМИ, и снова исче-

зал. И Брисс понимала, что так – для всех лучше.

Нет, так – лучше для нее, а как оно для него – его забота.

Когда-то в беспечной юности Райс стал ее наркотиком, покрепче любого вещества, и теперь задачей всей своей жизни она видела просто не употреблять. Больше. Этих воспоминаний, надежд, и других кайфушек, от которых потом так ломает.

Потом, когда Тейн в сознательном возрасте в очередной раз решила восстановить общение с отцом, его так или иначе пришлось упоминать. Как непреложную истину. Но к этому времени ей, Бриссии уж практически нечего было рассказать о ее отце – теперь Тейн знала о нем гораздо больше ее самой. Однако не спешила дразнить маму тем, что ей под запретом. Тейн и сама состоит в анонимных группах. Она – дочь наркомана. И у них с Тейн доверительная договоренность, что она если и пробует общаться с Райсом, то добросовестно помнит о его нестабильности, и общается с ним только через осознанность и системную терапию.

Но Тейн – не просто уже взрослая. Она – умница. Под эгидой своей (одной из), как и ее, Брисс бывшей фамилии она оказывает помощь созависимым по всему миру. Это – благородная миссия, когда у тебя самой отец – знаменитый наркоман. Был столько лет, и остается одним из самых ярких эпичных примеров, как оказаться небывалым везунчиком, сделать карьеру из ничего будучи почти школьником, а потом слить ее в унитаз еще до 25. И теперь Тейн, как близкий род-

ственник двусмысленной Легенды и прокаченный член сообщества, вполне может себе позволить себе приглядывать за 45-летним нищим на гос.пособии.

Брисс уже и не думала вспоминать, что этот двухэтажный особняк, ставший ей домом на столько лет, который она так холила, в котором создала даже чудесный мини сад на веранде, она когда-то отвоевала с помощью хороших адвокатов при разводе. Впрочем, Райс и не купил бы его без нее, без ее просьбы. А не прояви она тогда волю, и не выступи против него со щитом в виде 3х-летней дочери, он спустил бы на развлечения и его, как спустил все остальные части своего состояния, успеха и таланта.

Так что нет, Брисс не имела привычки страдать муками совести. Она вырастила тут его дочку.

Нет, свою! И этой компенсации достойны обе. Если вспомнить все его пригрешения... и Нет, популярность – тут не аргумент! А юность – не оправдание.

Впрочем, решительная позиция Тейн в последнее время слегка остудила ее прежнюю непримиримость. Как и упоминания дочери в конкретных цифрах, сколько времени с тех пор прошло. Она не верила заверениям дочери, что такой человек мог поменяться, ведь он – совсем пропащий, и не раз это доказывал. 20 лет терапий и рецидивов, статья за хранение, попытки суицида, передозировки, аресты за дебош, и множество прочих свидетельств того, что с человеком – не порядок. Как был, так никуда и не делся. И не денется.

Будем реалистами.

И не надо уповать на обстоятельства!

Ну, помилуйте, у кого не было проблем???. Ее собственный отец не сбежал ли от матери к сослуживице? И ничего, все справились! А он – сделал из себя великомученика, И придумал, за что ему должно все проститься. Весьма удобно!

Когда-то, на свою беду, еще непрокаченная психотерапевтами на столько, в минуты потепления (а травмированные люди – крайне непоследовательны!) она умудрилась показать дочери домашние архивы из 90х, где 20-летний отец с нею на руках – трогательный до слез. Рассказать, как в свои почти-20 обрадовался новости о ней... Это случилось прежде, чем она опомнилась и сообразила пояснить: ну да, это он всегда умел! Быть очаровательным. МильОны поклонниц тому пример. Достоверная обманчивость – это его вечный козырь! Его "билет в успех". Его принцип жизни.

Потом она корила себя за сентиментальность, и ходила за дочерью с напоминаниями и необходимости здорового критического мышления.

Потом Брисс вновь собиралась с мыслями в панорамном формате, напоминала себе, что дочь во всем разберется сама, и ей попросту нужно предоставить на это право. Успокоившись и собравшись, она украдкой, почти случайно заглядывала в соцсети, выключив всякие эмоции и отклики, и видела там обрюзгшего щетинистого дядьку с холодным голубым взглядом, провалившимся куда-то вглубь лица. Ни фир-

менного циничного прищуря, ни улыбки котенка, ни выразительного «пиратского» лица с красивым контуром подбородка, ни брезгливых гримас, на которых он тогда вырос до кумира девочек. Теперь этот в меру молодящийся человек компактного сложения почти ничем не напоминал того. О котором она потом раздавала интервью телевидению, просто потому, что о нем все еще хотелось говорить, выдавая это за высокие Миссии, или даже выставляя это мелочной мстостью, приумноженной на масштабы. Там, лет 15 назад, она упоительно рассказывала о созависимости, о том, как «подсела» на человека как на драгс, и как употребляла супружеский секс словно обезбаливающее без рецепта. Как он изменял ей со всеми, кого видел вокруг, кидался на все что движется, и даже просил ее подождать за дверью, когда она застукивала его с очередной фанаткой наедине... негласно оправдывая себя тем, что он – всеобщее достояние, и на данной позиции у него нет права отказывать «страждущим». На самом же деле он попросту не умел и не хотел отказывать себе. Ни в чем. Вечный мальчик, который привык играть в игрушки. Людьми. Симпатичный, который выдавал свою юность за универсальное оправдание. Всего. Без разбору.

Да, у них теперь не было ничего общего. У того и этого. И у обоих – с нею. Ничего. Кроме того, что они хранили одну с ней память.

Впрочем и это утверждение – весьма амбициозно. После стольких-то лет... Даже в этом она не могла быть теперь уве-

рена. Несмотря на щепетильные точечные упоминания дочери. Которая теперь часто говорит с ним по душам, оставаясь у него ночевать. И оправдывает его жалобы на жизнь – тем, что ему не с кем теперь особо поговорить.

Йещщцо бы, разогнал всех друзей! А теперь ссылается на то, что от него всем нужны были только деньги. Предпочитая не вспоминать про то, какой у него был характер...

Все это проносилось у нее фоном долгие годы, и давно уж остыло, превратившись в потрепанный сборник мифов и легенд собственной биографии... Она даже видела его с дочерью живьем, и всегда уходила от необходимости здороваться.

Себе дороже... Хотя тут ему, пожалуй, было что возразить на это в сухих ностальгических цифрах винтажного антикварного развода.

С идеей позвонить дочери, и легкой теплотой в душе от мысли, какая та все-таки получилась умница, она рассеянно выглянула в окно. Через дорогу была прогулочная зона: газон, крепкие взрослые деревца. Пространство покоя.

Под дубом, что сразу под ее окном, оперев на толстый ствол свой велосипед, прямо на газоне сидел человек. С книгой.

Она мгновенно узнала этот профиль. Его не спрятать даже под запущенной небритостью. Она даже попробовала стряхнуть с себя мираж.

С книгой??

Велосипед???

?????тут...

Мистика!

Она вновь попристальной всмотрелась в даль...

Когда-то он искал в ней просто легкого веселого друга – именно так он понимал их брак. А она его – боготворила. Он считал, что лимит его дозволенностей – бесконечен, и она невольно подпитывала в нем это убеждение, называя это любовью и преданностью. Они оба были больны. Обманчивой болезнью.

Тейн удалось выудить его на группы поддержки. Тейн уверяет, что он не употребляет уже больше 3х с половиной лет, она с его позволения и благословения присматривает за ним посредством его анализов и расходов. Она заверяет, что он все меньше отрицает собственную роль в собственных провалах, и все менее злобно упоминает прежних друзей, с которыми вместе когда-то достигал успеха, и которыми теперь он якобы бессовестно покинут.

Но велосипед? И книжка?

А венок из ромашек, нет? Незабудки в петлице? Ххах если и появятся, то только с соседской клумбы – не иначе.

А ведь когда-то ей это все так нравилось.

Болезнь. Она – такая.

Нет, она и не подумает. Она давно, и снова задушила в

себе побуждение...

...предложить ему чаю или лимонада. Даже если никто и не узнает. Или пригласить зайти. На минутку. Спросить как дела. Угостить печеньем.

Нет. Она в завязке столько лет.

Нет!

Нет(

Болезнь. Рецидив. Опасно. Нет.

К тому же, он ненавидит печеньё.

Она отошла от окна. И нет, она не вздумает разыскивать бинокль, чтоб выяснять, что она там читает.

Нет.

Нет(

Может, он и не читает вовсе. Может, это такая манипуляция. Может, он вознамерился вернуть себе дом? Или и вовсе обнищал, и ждет новой порции опеки? Он вполне может купить книжку на последние, и забыть, что потом еще нужно будет на что-то поесть – в его духе!

Ну и... не его ли проблемы? Вовсе? Она отошла от окна. И не подходила к нему ровно 3 часа.

Тейн однажды говорила, что главная проблема надломленных созависимостью людей – доверие. Они – всегда боятся и перестарховываются. Вместо обычной внимательности у них – клиническая подозрительность, подменяющая объ-

ективность. Тейн упоминала, что говорит с отцом о том, что если он не сумеет восстановить ее способность доверять, то ей будет очень трудно просто найти свое счастье – она как дочь зависимого близка к тому чтоб удариться в отрицания и эмоциональную холодность. Она четко обозначила для себя, и вслух, что ее попытка общаться с отцом и помогать ему – носит именно такую формулу взаимовыгоды, в которой ее «Я» ищет себе именно такое тождество. Осторожный шанс, подпитываемый обоюдно. Она сказала ему, что никто не способен ее научить доверять миру – так, как способен он. Если только он захочет. И найдет в себе силы.

Ну что ж, это – их разборки.

А она – наспасалась "утопающих" еще тогда – в юности. Как и в браке – нажилась.

Через 3 часа упорного неподхода к окну, пока Брисс напекла печенья, которое он вообще-то ненавидит, посмотрела ТВ, убралась в доме, поиграла с котом и собакой, вполне добросовестно и добротнo забывшись, она все же подошла к окну. С опаской, словно к другому миру. В который может затянуть.

Под дубом никого не было. Ни велосипеда, ни спешившегося наездника.

А вот книга – была.

Одна. Одинешенька.

Брисс отошла от окна. Походила. Подошла, заглянула сно-

ва. Пошла взяла тряпку смахнуть пыль. Переложила её на другое место. Выглянула из другого окна. Книга никуда не делась. Позабытая, она лежала на своем месте.

Еще через час Брисс аккуратно расчесалась, и перешла дорогу. Чтоб поднять книгу.

И та – сделала выстрел прям в самую глубину ее памяти.

Прямой контрольный.

Ей – 20. Она самозабвенно, упоительно гуляет по набережной с выпендрежистым модным парнишкой, который манерно задвигает ей про своибольшие планы – покорить целый мир. И у них действительно турне по стране, а потом и за ее пределы. Он – чуть младше ее, но уже Большой Человек! Мелькает по ТВ! Он мнит себя рэпером, хотя на самом деле подпевает рэперу и автору песен – своему другу, без которого и счастливой случайности был бы сантехником. Он не мечтал быть звездой, его просто подтянули друзья друзей. Он не написал в своей жизни ни одной песенной строчки (хотя позже – напишет, при чем – ей) но считает себя очень прогрессивным голосом своего поколения (хотя в каждой их песне у него – всего лишь по паре слов, пускай и самых ярких по звучанию). Бэк, ворвавшийся в тренды.

Он говорит совсем ни о чем, но ей почему-то не скучно.

Он рассказывает, она – не отстает. Про свои планы танцовщицы. Они перебивают друг друга, соревнуясь в том, чтоб произвести впечатление. Хотя каждый – уже достиг в этом заметного успеха. Она – красивая: джинсовые шортики

в обтяг и короткий топик на босу грудь, что он, конечно, заметил, выделив ее из других танцовщиц. Он – шустрый экстравагантный стилиста с приятным голосом, и его бестолковость – бесконечно обаятельна. Стараясь не показаться ему фанаткой, которая пришла на кастинг в его коллектив именно на одного парня из клипа, и чтоб перевесить свой легкомысленный облик, она рассказывает ему, как читает одну потрясссающую книгу. На что он манерно размашисто возражает: «я – не читаю. Что за бред – искать жизнь в буквах, ее надо жить! Здесь и сейчас!». Купаясь в аллюре переживаний, она пытается его в чем-то убедить, с удовольствием наблюдая, как действует на него её смех в обрамлении бордовой помады,

но не дочитывает ту книгу и сама. Вскоре случится беременность, потом борьба за мужа с бесконечным количеством призраков, когда она через месяц после родов вернется в гастрольный тур, чтоб быть рядом с ним, оставив дочь на мать и сестер,

потом – тьма попыток преодолеть суровую реальность, развод, лечение, поиски новой себя. Дочь. Дочь. Заботы. Дочь.

И сейчас у нее в руках та книга.

С закладкой из дубового листа.

Она спасает маленького позабытого талисманчика – впе-

реди ночь, темнота и невидимые монстры за углом, способные растерзать хрупкость мыслей и слов. А вдруг дождь?

На утро она добавляет свою закладку – бумажный пробник из парфюмерного магазина из своей сумочки. И возвращает заблудшего странника на его место под деревом. Не поймана – не вор.

Днем в то же время она видит гостя под деревом через дорогу. Он с пледом и термосом. Листает книгу. Рядом покоится велосипед. В телефонном разговоре с дочерью она почему-то не упоминает эту странную подробность. Может, ей вообще показалось? Что-то?

Как показался тоскливым тот взгляд, что бросал на нее этот персонаж, изредка отмечаясь по уважительному поводу рядом с ее домом и с ее дочерью, пока она сама – Брисс – старалась поскорей исчезнуть из поля видимости. Самый лучший способ не употреблять – не приближаться.

Особенно, если давно уж и не тянет.

Вечером история повторяется. Она берет одинокого приبلудившегося питомца в дом с улицы, отмечая, как переместилась закладка. Ее-шня – осталась нетронутой.

К утру переместилась и она. Даже обогнала подсушенный листочек.

Она мельком заметила, как перемахнула тот момент, который оставила тогда, много лет назад. Ту книгу с завернутыми уголками она потеряла, кажется, где-то на гастролях. И даже не заметила. Ведь было совсем не до нее – она жила

жизнь! Испивала свою молодость взახлеб. И вот, она – перевернутая страничка. И то, что за нею.

Всего 4 дня,

и книга – закончилась. Она убрала свою закладку и вернула брошюрку под дерево. Дождало, и она аккуратно заботливо обмотала ее в пленку. Книга же не виновата, что... у нее такая судьба. И не отвечает за поступки тех, в чьи руки попадает.

Его листик тоже приближался к финалу, и Брисс тревожно гадала:

а что же дальше?

У травмированных людей проблемы – не только с доверием. Но и с надеждами. А может, это – одно и то же?

В тот день она нашла пустую книгу: его закладка тоже пропала. А книга – осталась. Ни пометок на полях, ни записок. Просто тихий молчаливый замерший во времени предмет. Который столько рассказал.

Он оставил её.

Здесь.

Ей.

Брисс приютила бродяжку. Забрала с улицы, поставила на полку. Отмыла пятно джема из круассана (которых она не ест) с обложки.

И постаралась забыть эту странную историю. Мало ли бы-

ло их, странных...

А через пару дней он появился с другой. Похожей.

Кажется, надо поговорить об этом с психотерапевтом.

И с дочкой. Или... не надо? Вряд ли Тейн поймет... И назовет такое поведение последовательным.

Нарушать режим надо с осторожностью...

2. First/первая. (Издали/Когда-то)

1990 год.

Ученица старшей школы пригорода столицы Трейси Уорлок – была видной участницей местных театральных постановок. Темное прямое каре, выразительный большой рот, живой взгляд, легкая надменность – она знала, что мальчишки оглядываются ей в след.

Но ей нужен – только один: оннн. Кевин Вортс. Высокий брюнет, спортсмен. Он недавно приехал из Ирландии с родителями юристами – новичок старшей школы, популярность которого разрастается с немыслимой скоростью. Хотя подружки-соперницы пока еще молчат, что имеют на него виды: это выяснится позже.

Тогда Трейси, всецело поглощенная своими «видами», и не замечает, как среди прочих рядом крутится один «мелкий», на 2 года младше, шалопай с района. Балбес и весельчак обычно, каких много, именно на нее он смотрит странно серьезно, и не по возрасту, не по виду, не по образу и привычкам... грустно. Но до него ли ей дело, мало ли у нее таких?

Он учится в этой школе подле нее с самого начала, живет где-то неподалеку на районе с бабушкой,

(Потому что в семье его – не лады. Родители в разводе, и он не прижился с новым отчимом – военным,

чего она тогда, конечно, еще не знает... Пока...)

...она же – лишь через год узнает его имя. Когда он начнет ее «задирать». Пару раз она умело и заковыристо даст ему крепкий и прилюдный от-ворот-поворот на глазах у друзей, прослав в их мирке «малолеток» заправской выскочкой, его же тем самым сделав – почти героем, идущим «в рукопашку с огнедышащим драконом»... А паренек – хулиганистый и смешной, вылитый подросший Том Сойер из детских книг – коротышка и весельчак, совсем не выглядящий на свои 16, будет теперь гордо проходить мимо нее насупленным и обиженным, и стараться строить из себя «крутого». И говорить о ней за спиной «вредные» вещи. Кто-то посчитает их врагами, но для нее это все – на столько незначительно, что слово «вражда» тут будет сильным преувеличением. Так, «ко-маринные укусы».

А потом, когда начнется открытая битва выпускниц школы и первокурсниц соседского университета за почти виртуального для них всех Кевина, этот же старый знакомый малец с района, по старой привычке не упустив шанса подковырнуть ее лощеное самолюбие, пообещает ей тайком сообщить фантастический эксклюзив: где живет теперь ее «ззноба». Она не слишком поверит, что этот недруг вдруг решил помогать ей – именно ей,

но цена той игры – слишком высока, и она с осторожностью, но все ж примет предложение и доверится этому оболтусу. Все-таки они знают друг друга давно, в каком бы кон-

тексте это ни представляло. Она даже как будто ловила себя на каких-то снисходительно-покровительственных мыслях по отношению к нему...

Этот эпизод врежется ей в память на много лет: Она – за рулем старого пикапа – своего первого авто, ей на встречу из-под тени виадука по обочине выходит паренек «пригородный озорной гуляка» – то ли она знала, где его подловить после всех его смелых анонсов и обещаний, то ли они заранее тайком договорились. Словом, ему удалось поймать на крючок ее деловую заинтересованность. Выходя из тени, он старательно строит из себя Саму уверенность. Еще бы, у него «в карманах – козыри», он настроен торговаться. И держать с ней «ухо в остро».

Майка с принтом, широченные джинсы, бейсболка. Куклениш. Серьезный насупленный неприступный вид при ее приближении – он и не думает заискивать перед ней, или угождать, и очень старается перестать казаться ей комичным. Она предпочитает думать, что он её почему-то недолюбливает – просто потому, что у него тяжелый нрав, и он выбрал себе «любимую жертву» из популярных девчонок для самоутверждения среди дружков. Он – прекрасно осознает, что он – парень не из ее «лиги», напоказ она может лишь троллить его, и только. И потому они обоюдно договорились держать в тайне свое внезапно сложившееся «деловое» общение, ведь оно не поправит имидж ни одному из

них. И даже какое-то время сумели это соглашение тщательно соблюдать.

– Эй, Райс! – окликнет она его, и оглянувшись, чтоб никто из знакомых знакомых их знакомых этого не заметил ненароком здесь на пустыре, позовет его в свою машину. Заведет мотор и тронется вдоль по набережной, они заспорят за забранную ею «скучную» скорость – подстрекатель окажется не доволен её осторожностью, с которой она его «катает». Хотя у самого-то даже прав еще нет и в помине. Он поучит ее ездить «прааавильно», и наконец, вволю натешивши свое самолюбие, поиздевавшись над ней,

действительно, как обещал, покажет ей заветное место жительства (знала б она, что ей так и не пригодится потом этот секрет!). Покажет, честно, хоть и веесыма нехотя, удосужившись надерзнуть по дороге, не раз выбесить,

как, впрочем, и развеселить,

и успев выставить весьма наглый «счет» за услугу, от которого она отмахнется как от пустяковой шутки пустякового «мима-хода».

Ведь что он сам может вызвать кроме иронии? Ну?

Почти 20 лет спустя, когда появятся соцсети, она будет очень много думать, стоит ли совершать это...

нечто совсем не пустяковое... а потом все-же напишет девушке по имени Тейн: «я знала когда-то твоего отца. Да, я знаю, его знали все, но я знала его раньше. Раньше всех.

Их... Я делала от него аборт за 2 года до твоего появления. Это я в их дебютном клипе. Вот мое фото тех времен. А еще у меня есть видео, которого нет ни у кого, даже у него самого, где ему 17. Бекстейдж с тех съемок. Я выкупила и спасла ту пленку от уничтожения и потери, очаровав оператора. Только не говори ему ничего. Я не за тем написала. Просто...»

Просто... Вот так просто,
и как не просто.

К тому времени Трэйси знала как никто другой, что бывший звезда-тиннейджер, взлетевший на пик популярности в возрасте 18-22, нахватал себе потом столько проблем, и совершил столько немислимого и легендарного в своей вопиющей, ударился в такое само-вредительство с международным резонансом,

что единственная дочь не общается с ним, и даже фамилию взяла по матери. О которой Трейсти, по-правде, вспоминать совсем не хотелось, ну да ладно...

Да, Тейн, родившаяся на влете его внезапной карьеры от танцовщицы, после развода родителей и скандального раздела недюженного имущества, много лет не общалась с ним. С человеком из скандальных сводок – арестов, аварий, принудительных лечений в реабилитационных центрах, депрессивно-суицидальных заявлений и не только, и прочих, то что называется, выходок. С обязательным упоминанием в прес-се...

Трэйси много лет наблюдала за ней с щемящей неясной

тоской, а потом, когда все отгремело, сама не зная зачем, решила с ней заговорить. В письме.

Наверное, потому, что больше ей о нем поговорить было не с кем: он был единственной тайной Трэйсти от безупречного мужа, ее бесценного Брэда, встреченного в «ссылке», куда ее после скандала отослала мать, от ее образцовых сыновей и дочьки.

И продолжает оставаться таковой. Тайной. Они никогда бы не поняли её, своей умницы, болезненного юношеского пристрастия к столь скандальной звезде,

хотя в пору их знакомства он был славным и неиспорченным, уже подававшим первые признаки «неотвратимой обаятельности» харизматом, «милым голубоглазым котеночком» и «клубком» противоречивой трогательной ранимости, а когда у него начались слава, деньги, скандальности и зависимости, ее робкие попытки повидаться с ним не увенчались успехом. Ни разу.

И все же она лгала им, уезжая на те концерты. Когда ей было уже за 20, будучи молодой мамой, верной женой... Приличной, с видимым иммунитетом к таким глупым детским фанатским слабостям... Как они могут расценить ее попытку однажды в ту пору дозвониться до него, до ВИПа национальной первой величины для подростков? Тогда он, кстати, узнал ее и не стал «включать звезду», но коротко и твердо обозначил, что уже женат, и им не стоит видеться, (за что она

ему благодарна и по сей день. Мало ли...)). Хотя, как известно, гулял от жены в открытую – мало кто умел ему отказать. Или он – мало кому...

Она и об этом «историческом факте» честно поведала Тейн, знавшей от матери о его постоянных изменах. И обо всем.

А в другой раз он приехал к ней сам, уже во всех своих статусах и регалиях, и, не застав её дома, спонтанно «с барского плеча» дал через брата большую сумму денег. Брат долго раздумывал – сообщить ли ей об этом, или утаить, но... передал. И она – их приняла. На эти деньги в основном куплен участок земли, на котором теперь стоит их дом, «родовое гнездо». Но ОН – так и не знает об этом.

А Тейн – знает. И держит в секрете уже много лет. Умица она все-таки. Все понимает. Даже сложнопонимаемое. Кстати, про аборт – он впоследствии и сам рассказал ей, ничего не утаив. И про подаренные деньги. И про нее, свою первую. Трэйси. Ту самую, из коммершал видео. И Тейн сумела оценить эту его откровенность. Теперь ни Тейн ни Трэйси уже не жалели о том, что Трэйси сделала это – написала ей тогда. И все выложила. Теперь это было лишь подтверждением его предельной откровенности с дочерью.

Хотя Трэйси – мучительно винила себя, потому что считала это обращение к юной девушке – своей слабостью.

Трэйси написала ей, потому что не в силах была просто вычеркнуть этот эпизод своей жизни, давно уж иссякнув-

ший. У нее была потребность то и дело возвращаться туда мыслями. Она написала его дочери потому, что... не могла написать ему. Все по тем же причинам. Потому что ему не было места больше в ее отлаженной жизни.

Но всегда находился уголок в ее мыслях. И туда она могла пустить только одного человека. Столь похожего на того, кто когда-то не родился...

Она написала ей по этим эгоистичным причинам. И, может, по каким-то еще, ей самой неведомым. Типа извиния, или отблеска неуместной заботы...

Потом они встретились: умница Тейн, так похожая на отца, сама приехала к ней в гости, находясь в том возрасте, когда Трэйси проживала ту историю.

И вот уже 8 лет они тайно общаются: семья Трэйси не знает, кем приходится ей волонтер созависимых Тейн, дочь изрядно подзабытой знаменитости, а та в свою очередь, скрывает факт такого общения от матери, ничего не поясняя ей сверх меры.

И от отца. Который вроде как 3 года в завязке, которого ведет и опекает прокаченная психолог-дочь. Которая когда-то увидела то эксклюзивное видео, и того шепутного беспечного мальчика на нем,

и вдруг сумела стать единственной из тех сотен пытавшихся, кто сумел достучаться до него и отвести в группы поддержки. Чтоб потом – начать заниматься проблемой масштабно, получать профильное образование и устраивать

благотворительные беседы по всему миру.

С тех пор раз в полгода Трэйси набирает этой девочке, и спрашивает: «ну как он?».

И последние пару лет слышит: «хорошо! Держится! Недавно, чтоб он не хандрил, были вместе в Африке на Сафари, он периодически ездит со мной с беседами о наркомании по миру. Нет, не думаю, что ему это навредит – наоборот. С его-то любовью ко вниманию... Легенда, музыкальная Икона поколения с многолетним стажем зависимости, и 3 года чистыми анализами, он со всей своей беспечностью умеет находить какой-то особенный тон и верные кнопки воздействия на неокрепшие умы, как и разговорить себе подобных. Носитель уникального опыта, чей провал можно понять, избежав при этом оправданий, и чьи масштабы потерь легко оценить невооруженным взглядом. Пример и антипример... Да и вообще, мы хорошо общаемся. С матерью нет, не общаются, а меня он принял. И слышит. И мы вместе учимся многому, вместе. Спасибо Вам.

Это все, что хотела услышать Трэйси. Тогда она положила трубку, чтоб набрать еще через много-много дней и недель.

Сама, до появления в ее реальной жизни Тейн, Трэйси не пересматривала то видео много лет, (не говоря уж о том, чтоб посметь его обнародовать – это её слишком личное!). Тейн помогла его оцифовать. Тейн была лучшим и единственным поводом достать его из залежей своей памяти и припрятан-

ного от урн ностальгического хлама, и вновь на 5 минут дать ему жизнь. Воскресить. Свою молодость.

1991. Это «туманное» качество, зернистый звук, заедающие полосы – совсем не то что сейчас... И совсем другие эмоции на экране – не те, что сейчас у людей, привычно попадающих в кадр. И знающих, что с этим делать.

Вот на экране словно откровение появлялось ее юное свежее лицо и улыбка школьной вип-девченки в обрамлении прямого темного каре до подбородка. Непривычная к камерам, которые в ту пору были в диковинку, она слегка развязно сидит на уличном бетонном парапете на набережной в своих коротких шортиках, и прячет смущение за хихиканьем и суетой. Она тогда не сообразила ничего лучше, чем с улыбкой перечислить свои анкетные данные, неистово кокетничая с линзой. И угадала – по прошествии лет это выглядело отпечатком Истории.

– Трэйси Уорлок, 19 лет. Родилась там-то, увлекаюсь, учусь... – рассказывала она, пока поток простой информации внезапно не иссяк.

Тогда камера оставляла ее в смущенной растерянности, поворачивалась, и застигала врасплох сидящего рядом мальчишку с задранной к подбородку коленкой, жадно вгрызающегося яблоко. «Олененок в луче прожектора», он замер с чумовым комичным лицом. Потом по привычке чуть капризно кривился, выражая свое недовольство съемкой его персоны без его разрешения. И так и не нашел, что толково-

го сказать, хоть отмахивался весьма эпично. Тогда он еще не научился качественно прятать смущение. Ну а побеждать его он не научится никогда... Как бы потом ни тренировал волю размашистыми провокациями и нарочитым пофигизмом.

Где-то там за кадром – голос их маститого в ту пору менеджера, который когда-то в 80х раскрутил и много лет успешно вел другую наимоднейшую группу, а вот теперь, когда та превратилась в «ретро» – совсем не с первого раза, взял по крыло этих школьных друзей...

Ну как друзей. Один из скромняг ее школьного потока, получивший даже какое-то музыкальное образование, и уже к своим 19 успевший по-нечаянности стать отцом (это совсем не значило что вырасти! Хотя женат на той подружке по сей день!), где-то-там-себе-по-тихому возомнил себя композитором. И решил прорваться в музыкальную индустрию, имея в своей голове веесьма серьезную стратегию,

пока ничем извне не подкрепленную. Только этот Уолтер того мальчишеского образца мог так ошалеть на столь фантастической идее, и включить такие немислимые обороты настойчивости в ее достижении! Симпатичный, но скромный, довольно зажатый, сдержанный и холодный, немного угловатый и будто б чуть надменный вне дружеского круга, он не был «ТОПчиком» в их школьном и районном мире – просто писал доморощенные песенки на магнитофон в гараже, и танцевал хопчик на школьных и студенческих сходках где-то в уголке. Никто ничего грандиозного от него, разуме-

ется не ждал, даже когда он точно анонсировал свои глобальные намерения.

Однако он собрался с духом, зарядился своими непомерными амбициями, и всерьез пошел по продюсерам. Точнее, он атаковал конкретно Шона Эванса – признанного «почти-Мэтра» – солидного с виду, но умевшего вести себя с ими, уличными подростками, совершенно накоротке... если видел в этом бизнес-потенциал, разумеется.

Шон – терпеливо и вежливо отказывал настырному мальцу, отправлял его дорабатывать материал и концепцию проекта, потом уже брал помощником в другие проекты, не видя в парне при всей его мастеровитости и настрое достаточно артистизма и харизмы, но... этот – не сдавался. И тогда Шон предложил ему вариант собрать собственную группу. И это было переворотом чьих-то судеб.

Парень позвал с собой друга, с которым они дружили много лет в школе, и который теперь занимался стройками с отцом. Тот – нашел через знакомых крепкого танцора, которого видел на тусовках, позвал на прослушивание. Этот звезда танцполов привел с собой своего друга: незаметного, мелкого, юркого, шептунского, которого никто никогда особо не принимал всерьез. Просто за компанию. Дополнить картину. Для количества. Для фона.

Никто из парней не умел петь. Но рэпчик с хорошими бэками и грамотным саундом – всегда выход.

Их поставили к микрофонам в студии. Настоящей, про-

фессиональной! Единственным, кто до сих пор слышал свой голос в записи, да и то в доморощено-кустарной, был «композитор», остальные почти-еще-школьники – просто ошале-ло хихикали своему отражению в гигантских наушниках.

«Композитор» Уолтер – оказался прокаченным в читке, добротнo чувствующим ритм, и совершенно не поющим. Остальные, и того пуще – импровизировали и дурачились как могли, ведь все кроме озаренного своей целью и Миссией композитора воспринимали это забавным мимолетным приключением. От скуки.

И тогда одна из записей вдруг заставила повести ухом и бровью Шона. Так зазвучал – тот от кого меньше всего чего-то ждали. Тот, для кого даже осторожно отведенная роль бэк-вокалиста казалась пока запредельным авансом, почти мистикой.

Он не пел никогда в жизни, даже в душе. И вдруг – он получил первую свою в жизни

ПОХВАЛУ! Да еще – от авторитетного человека! Какая вообще разница – за что? Пение – так пение. Главное, он совершенно не готов был признавать в этом — случайность.

И тогда Райс в первый раз в своей жизни начал стараться. Изо всех своих «мелких» сил. Просто потому, что

загорелся. Идеей, пускай и спонтанной. Мечтой, пускай и чужой. Верой в него, пускай и сиюминутной... Но такой

давно жаждемой! Он – поверил в себя. Уловил то, чего ему так долго не хватало...

И будто вскочил на ходу в какой-то волшебный поезд... как он азартно рассказывал ей потом, пока они писали альбом и снимали тот самый свой первый ролик.

Эта похвала... была хитмейкерством... Нет, она была – алхимией! продюсра с чуйкой. Она так воодушевила всех собравшихся, они словно нащупали вслепую свою «Эврику!» в лице сияющего своим нечаянным незадачливым успехом мальчика! Все зарядились.

А уж как радовался юный Композитор этому открытию! Он сумел – нашел нечто, что поможет ему продвинуть свои идеи! Волшебный ингредиент, недостающий элемент! Могли он, восторженный и заряженный, знать в свои 19, что через 2 года на самом пике успеха он начнет предъявлять этому выскочке, что делал свой проект вообще-то не под него, и настойчиво напоминать кто тут лидер и фронтмен, а кто – случайность... А через 4 – этот «открытие» его проект и погубит? Всего парой неосторожных слов, и логичным финалом человека, утратившего всякие границы.

И начнется период взаимных обоснованных претензий и припоминаний за былое, где растерявшийся опальный фронтмен, профукавший свое поразительное везение, которому теперь «прилетало за дело» со всех сторон, щедро и в подробностях расскажет прессе, какое давление испытывал из-за банальной зависти ближайших коллег, которых посмел

оставить позади очевидный аутсайдер.

Но перед этим, стоит признать, они 5 лет творили Легенду, дополняя друг друга. Легенду, которая только начиналась тогда, в 91м. На том прослушивании в студии.

Этот мягкий неокрепший «рыхлый» тембр, пробивший «броню» бывалого продюсера, конечно, пока еще был очень подростковым и сырым,

но это было лучшим, что Шону удалось услышать за это прослушивание. И за множество других предшествующих, отовсюду. Именно Райс явил неожиданную способность зарядиться чем-то эДаким, и отработать на 2х нотах интонационно – точно, как машина по производству чистой эмоции – в его неровности и дрожи звучания было столько вызова, неистовости, безграничности, искренности и неотфильтрованности! Просто рок—звезда по праву рождения! И если Уолтер пытался в своих эпичных творениях громить умы напором, игрой слов и смыслов, нагромождениями метафор, сложностью поэтических и аранжировочных решений, то Райс – обладал Шармом... Он умел вложить в звук, в любой свой мимолетный эйр-бэк – выражение лица, настроение, посыл, эмоцию, рассказ. Смягчить, отшлифовать, дополнить и наполнить. Что-то передать сквозь расстояние и время. Он зазвучал как Трибун, чьи слова способны повести за собой!

Ведь впоследствии именно его незамысловатые 2-строчные отпевки ждали все на дискотеках вслед за содержатель-

ными насыщенными рэпчиками и грандиозными качественными инструменталами сильной саунд-команды, жалуясь на громкость бэк-вокалистов на концертах, которых он в одиночку не мог перекрычать. Его хотели! Не продюсер – зрители вывели его, номинального бэка, на авансцену группы за полгода, именно его манера стала «вишенкой» на этом торте! Девочки в этом сомнительном вокале видели неизбежную нежность, чувственность, ранимость, порывистость, отвагу и секс, а мальчишки – смелость, решительность, дерзость и бесстрашие,

себя... Неидеальных, не суперменистых, но класных! Позже в этот образ «уличного» голоса удачно вложились и его кукольная инфантильная чуть надменная телегеничная... но вееесьма простая внешность, и бесстрашные сумасбродные эксперименты со стилем, и маленький рост, и странные юркие танцы, и голубые глазки с ресничками, которые всё в сумме так шлифовали и смягчали его нарочитое бунтарство, не раздражали искусственной глянцевоcтью, как конкуренты других групп, привлекали диссонансом,

...и с которыми Райс сам так самоотверженно боролся своей напускной бутальностью, лишь добавляя себе манкой двойственности.

Ведь врожденная музыкальность – это было еще не все, что глянулось тогда опытному интертеймент-спецу. Менеджер увидел в нем то же, что и всее его женщины: он казался таким милым, таким забавным, таким пронзитель-

ным. Цепляющим. Органичным в любых проявлениях любых крайностей. Лишь много позже они все узнают, что это, в том числе и признаки его артистического своеобразного дарования, называется истероидным психотипом – узнают от специалистов лишь когда его подверженная слабостям натура вне всяких коррекций и авторитетов принесёт всем массу проблем.

Но зато это – оказался человек, которому по природе его личности, по призванию дано в плане презентаций – умение сделать «конфетку из ничего». Человек – зажигалка. Человек – манифест. Человек – пожар. Который согласно всем тем же комплексным характеристикам и типологиям в своём «полёте» так слабо чувствует границы допустимого.

А еще по этим характеристикам внимание – их бензин. Хорошо что Тейн понимает это.

Хорошо ли или плохо, но тогда всё или почти всё это угадал и продюсер.

Словом, именно в этом исполнении зазвучали(!) странные перфекционные сложносочиненные весьма прогрессивные и смелые идеи настырного малолетнего композитора. Именно этот голос, казалось, сможет достучаться до каждого, потому что ЛЮБОЙ споет так-же! Эффект Шатунова, которого в ту пору в Англии не могли знать.

Шон не ошибся. Этот голос попадал в каждого, и находил отклик в душах. Эта чуть инфантильная обманчиво-примитивная/обманчиво-искусная манера копировалась повсе-

местно. Нежданный лидер группы стал вдруг голосом и архетипом поколения, 10-летия, целой переломной во всех смыслах эпохи. Ошибся Шон в другом: этот голос оказался настолько въедливым и узнаваемым, что его вряд ли кому-то удалось повторить. Хотя по сей день продолжает казаться, что так – поет каждый.

Нанятые педагоги помогли Райсу раскрепоститься, и немного раскачать звучание. Они лишь успевали удивляться, как он быстро все это схватывает. Как бодро «вытягивает» с таким надрывом целые концерты, и как предельно точно исполняет «в минус-фонограмму» самые ответственные съемки с живым звуком. Ни нежный возраст, ни нервы, ни неопытность, ни критика в прессе не могли сбить его с взятого курса. «Его сам черт не берет!» – удивлялись ему за спиной помощники и педагоги... Простуженный, напуганный, расстроенный, не готовый, а потом и под воздействиями, он ни разу не забыл слов и не сорвал голоса! Просто живой магнитофон! За кулисами он мог быть капризен, нестабилен, ленив, упрям, неуправляем... Но на сцене это был машшишина! Ровно поющий 2 часа вприпрыжку! Самородок!

Его звучание все еще было далеко до привычной музыкантам и профессионалам выхолощенной качественности, но оно было цепляющим, а этого оказалось достаточно для популярности небывалых масштабов, и выгод в платиновых исчислениях. Упорно игнорируя любую критику, взятые Шоном пареньки осуществляли вместе самые смелые и

прогрессивные идеи, заметно опережающие время. Композитор – упыхивался в студии, пока его ни увозила скорая. А Райс – просто... Сиял.

И куролесил, впоймав свою волну, когда ему все давалось все так легко и играючи, словно б компенсируя сполна выстраданную неудачливость и незаметность его детства. И он – брал от жизни все, кушал ее «большой ложкой». Разгонялся до предельных скоростей. Он довольно быстро усвоил, что он – удачлив, ведь он оживает даже после остановок дыхания от передозировок, что жизнь – простая штука, и ему многое может проститься. Потому что его – не заменить.

Он оказался в этом и прав, и не прав одновременно. Он успел прожить в этой паре лет – всю свою жизнь словно б наперед – авансом. Наперегонки со временем. Чтоб потом попасть в коллапс, в безвременье на десятки лет. Но успел побыть богатым человеком, успел испытать многое. Успел любить, быть любимым,

и успел родить прекрасную дочь.

Оглядываясь назад, теперь Трэйси понимала, что Райс – это история фатальной везучести. Распорядиться которой, возможно, не хватило ума. Однако легендарности его вклада, и его умения оказывать влияние на души людей все равно никто не отменял.

Гениальный ли он музыкант? Спорно. Его просто подхватило и понесло, повело неведомыми тропами, которые рас-

крыли сполна весь его потенциал – все лучшее в нем, и все – худшее. Соразмерно. Случайность ли это, везучесть, Или карма? Миссия?

Он просто будто попал под небесный «прожектор», и внезапно горел свою предначертанную яркую и печальную роль. А потом дотлевал свою жизнь потихоньку в одиночестве, всеми забытый, для всех двойственный и неблагоприятный.

Интересная у человека судьба, что ни говори... Частью которой ей быть...

...посчастливилось ли?

Надо все-таки позвонить Тейн. Соскучилась.

Были годы, когда Трэйси рассказывала этой девочке (пускай ей уже и за 20) свои (и его) откровения и эксклюзивы. Но все в жизни – возмездно, и настал тот момент, когда девочке самой появилось что рассказать. самого актуального. Сейчас дочь – самый близкий его человек. И та, кому удалось совершить почти чудо.

Трэйси же была в этом маленьком дружеском тандеме кладзем глубокого и томного ностальгического рэтро. К которому Тейн относилась бережно, как к каждой из допотопных винтажных видеозаписей с ним.

Трэйси обещала себе рассказы малышке аккуратно филь-

тровать, чтоб не ранить ее чувства. Но внимательная и рассудительная Тейн заверила, что достаточно взрослая, чтоб понимать степень того, на сколько ее отец – «не ангел», и что поведенное – лишь научит ее понимать и принимать его лучше, быть готовой к откровенности ним... и кроме того, она никогда не видела в сознательном возрасте, попросту не помнит родителей вместе – застала лишь их распри, и осторожные болезненные свидетельства ее матери о муторном скандальном разводе с разделением имущества, когда Тейн самой было пару лет от роду. Поэтому речь о ревности тут пойдет вряд ли, если, конечно, не посвящать во все это ее мать.

Ее мать, за лишь несколько лет семейной жизни превратившаяся из холеной участницы их коллектива в законченную приближенную фанатку своего культового «бесёнка», сама долго и мучительно выходила из этих отношений с помощью психотерапии, стерпев за эти пару лет бесконечные измены, реабилитационные клиники, и полное дно потери самоуважения Во Имя своей страсти и Миссии. Во имя сохранения своей призрачной мечты быть рядом с Ним, при этом оказавшись не в силах остановить падение человека и потихоньку проваливаясь за ним в неспособность трезво оценивать происходящее. Признав проблему и обрубив отношения со своим «наркотиком», она бережно и аккуратно выстраивала отношения со своей и его дочерью. И хоть воздерживалась от открытых обид в его адрес вслух, запретов

или пагубных влияний на дочь (а психотерапия научила ее свои обиды на ребенке не вымещать!), вспоминая лишь хорошее о его отцовстве, и даже сохранив трогательные видео, все же ностальгических бесед избегала. Оказалось, Трэйси, поддавшись своему эгоистичному порыву «просто поговорить об этом», восполнила этот дефицит девушки, и помогла ей, выражаясь ее языком «найти своего отца внутри себя». Понять – кто он, и что привело его к известному всем пути. Тейн жадно внимала рассказам девушки из другой его жизни, мало кому известной, встраивая любопытные точечные факты в его противоречивую биографию с помощью психотерапевтических техник и тщательного анализа деталей. Трэйси же и не подозревала, что столько всего может вспомнить. Они могли беседовать часами. Это было их общей неисчерпаемостью.

Трейси вспоминала, как была очарована популярным мальчиком из школы, когда Райс был незаметным «малолеткой», как они по-детски «воевали» и поддевали друг друга мнооого месяцев – потому ли, что это было престижно в его кругу, или просто она давно и прочно нравилась ему... как однажды они заключили «пакт о ненападении», когда этот чудак согласился помочь популярной девочке в ее амбициозных планах по охоте на сверхпопулярного мальчика, ради которых она была готова почти на все. Как «соучастник», обнаглев до предела, выставил ей «счет за услугу» – поцеловаться и потрогать грудь. Тогда не было смартфонов с ка-

мерами, и, предусмотрев все меры предосторожности чтоб не попасться на подставы с насмешками, она согласилась заплатить эту цену,

впоследствии убедившись в его порядочности – он сумел хранить их и более серьезные тайны долго и бережно. Но тогда она перестраховалась просто как в бондиане, чтоб не быть застуканной и осмеянной... Не предусмотрела лишь одного —

что может «попасться» в другом смысле.

...Как потом ее стало тянуть к забавному юноше – светлому и впечатлительному, чувственному/смешному/капризному, без меры нахальному, как они почти ради шутки заходили все дальше, припаркованные в укромных уголках их пригорода в ее машине. Просто по-приколу. Как она учила его водить, а он – приносил ей печенки, которые почему-то учила его печь его бабушка, и как даже под каким-то чумовым предлогом познакомилась с его бабушкой, когда пришла к нему в гости. Как они были настоящими друзьями, и первыми любовниками друг у друга, хотя она до последнего поддерживала репутацию опытной и смелой девицы – и в школе, и для него персонально. Как все было легко с ним, как беспечно, как солнечно даже в пасмурные дни. Так, что почти через 30 лет эти деньки казалось самыми счастливыми, и самыми драгоценными воспоминаниями.

А Тэйн внимательно слушала, сопереживала почти до слез, и, кажется, делила всю глубину этой привязанности. А

еще говорила, что нечто похожее мельком упоминала ее мать в затертых воспоминаниях: сияющую беззаботность, безграничность, невыносимую легкость бытия с ним в юности.

Потом – залет.

Трэйси не могла отловить под толщиной времени своих истинных переживаний в ту минуту. За столько лет она много раз пожалела, что не родила. И жалела каждую такую встречу, давая волю своим подавленным чувствам, проживая их снова и снова, чтоб рано или поздно смириться и простить себя. Когда-нибудь. Так что она действительно не могла поручиться, что доподлинно сумеет передать, что действительно почувствовала тогда, девчонкой, теперь ничего не переврав от понаलिпшего за годы – всего этого, от чувства вины и привычки вести себя и говорить как надо и правильно, до призмы возраста и оценочного восприятия... Сейчас ей казалось, что она растерялась, но не на долго: в ту пору нередко рожали в таком возрасте, и даже раньше. Ей только исполнилось 19. Ему – не так давно стукнуло 17. Выглядел на 14.

Но зато она точно вспомнила, что он – не то чтоб испугался или обрадовался, он – воспринял это в своем стиле – приключением. Затеей.

К тому-же его мать родила его в 18. Родители, правда, долго и мучительно сходились-расходились все его раннее детство, но он тогда, собравшись сам становиться отцом, даже не подумал придавать этому большое значение. Просто ска-

зал, что у него так – никогда не будет.

Ни у него, ни у престарелой родственницы-опекуна, разумеется, не было средств на такое «мероприятие», как семья и младенец у школьника-выпускника, но разве кто-то думает о таких мелочах в его-шнем тогда-шнем возрасте? Его отец, живший в другой семье начал обучать его ремеслу строителя или ремонтника, он придумал себе запасную профессию повара, на которого собирался идти учиться. Он с азартом настроился на все это (в тех паре-тройке успешных состояться разговоров). Они как парочка – никогда не играли в серьезные отношения, не привыкли сыпать признаниями друг другу, скрывались от друзей, но успели изрядно привязаться, научиться друг другу доверять, прислушиваться, советовать-ся, и вдруг оказалось – вполне способны представить некую форму семьи и брака друг с другом. И даже уже были готовы обнародовать этот мезальянс. То есть она – оказалась готова, ему было без разницы: его друзья и до него находились в подобных связях.

Но потом случилось предсказуемое: она сообщила о событиях и решениях своей матери, с которой пока еще жила, пока училась неподалеку. Ее мать считала дочь умницей, и разумеется, о такой вероятности не помышляла – что та, как она сама когда-то, вместо образования – родит, понадеявшись на сомнительного прынца...

Она поглядела на претендента... послушала его заверения, что деньги – будут – ведь он решил заниматься музы-

кой, прошел прослушивание и у них теперь даааже есть продюсер... Они от-вот станую знаменитостями!

И немедленно отвела ее к доктору. Через споры и слезы, через угрозы и ультиматумы. А потом срочно устроила ее учиться – у сестры в другом регионе.

Трэйси не припоминала, чтоб Райс сильно расстроился. Впрочем, не помнила, и чтоб обрадовался. Он не считал её беременность проблемой, или помехой, ведь у одного из его друзей по планируемому проекту, правда, на годик постарше, уже был ребенок – ничего сверхъестественного, а он совсем не любил воспринимать себя младшеньким.

Да и вообще он просто плыл по жизни, лишь успевая ей удивляться. Хлоп – модная подружка, хлоп – он звезда... Есть ребенок, нет ребенка – как-Бог-даст. Быть может, именно эта его беспечность была одним из ингредиентов его притягательности – тогда все у него и с ним было очень просто. И похоже на какую-то сказку, где все возможно. Даже невозможное.

Она не могла припомнить, как он воспринял новость про ее грядущий отъезд. Кажется, они просто восприняли все это как данность, как какую-то расплату за (как они уже тогда понимали) по-неосторожности допущенное и непоправимое. Они посидели, покурии на парапете. Поговорили о том о сем, погрустили молча... Договорились: что бы ни случилось оставаться друзьями и не чужими друг другу людьми.

Они растворились в этом моменте предельной искренно-

Они говорили об этом с Райсом. И много о чем еще. С ним не всегда обязательно было говорить – с ним просто приятно было находиться рядом: пара гримас, и вот ты уже улыбаешься не помня себя...

Тогда было снято пару бэкстейджей, утраченных потом, но один ей удалось «выдурить», «выкокетничать» у оператора. Тот и помыслить бы не мог, зачем и почему он ей... И сколько всего в нем для нее... Спрятано. Драгоценного.

Она даже помнила, как парой дней позже они обнялись на прощание на подъезде к вокзалу. И пообещали скоро свидеться. Ничто тогда не воспринималось особо всерьез.

Как он отреагировал на ее отъезд – она не знала. Он не был человеком писем, а телефонов и интернетов для поддержания близкой связи на расстоянии тогда практически не существовало... Жизнь потекла своим чередом, связь оборвалась, они забыли друг о друге...

...бы, если б не ошеломительное нарастание популярности их проекта. И мелькание буквально повсюду.

Ее мать, взбешенная не то показной наглостью дочери, не до досадностью, что парень и правда стремительно разбогател вопреки всему ее неверию и сарказму, забила тогда последний гвоздь в их отношения, хотябы дружеские: она, ничего с ней не согласовывая, вышла на него через его известное ей место жительства,

и потребовала денег. Компенсации за расходы на медицинскую процедуру, плюс моральной компенсации. Еще и

какое-то лечение-восстановление приплела. Разумеется, не без шантажа об обнародовании, как ей потом рассказывал брат – он верил материнским рассказам и разделял идею наказать наглеца,

пока сам не увидел его живьем парой лет спустя на пороге – состоявшейся звездой, со скромной просьбой увидеть ее и со спонтанной спонсорской помощью, и пока брат не узнал ее версию истории от нее лично при передаче. Но то было гораздо позже.

В общем, Райс, личность и жизнь которого тогда и так ломалась как голос у подростка, трансформировалась в нечто совсем иное по масштабам и незнакомое, тогда уязвленно заплатил ее матери, и внял требованию близких больше не искать встреч с девушкой, которой навредил.

И все.

Больше они никогда не виделись. Не сбылось. Только однажды он приезжал чтоб увидеть ее, и однажды она ему дозвонилась. Но тогда между ними уже была пропасть его резонансной карьеры. И их других семей.

Пока она училась и издали наблюдала, как все дальше ментально этот «звездный мальчик» от того ей знакомого и близкого, она встретила будущего мужа. Понятного и простого, надежного и... обычного. Вышла замуж.

И все же испытала потрясение, узнавши сначала об одних его отношениях – со скандальной актриской, с которой он потом не мог разойтись много лет, несмотря на свой офици-

альный брак,

а потом и увидев кольцо на его пальце.

Она старалась абстрагироваться и отстраниться от призрачности всего, что напоминало ей теперь о прошлом, но слышала теперь его голос отовсюду. И ее намотало на это все. Она растила детей, ее с новой прической никто больше не узнавал в том клипе мельком... Но она носила в себе эту тайну, и бережно стряхивала с нее пыль где-то в своем потаенном уголке. Оно внутренне отзывалось на всякое упоминание, или имя в прессе, или голос из радио. Никому из близких она так ничего и не рассказала. Ни она, ни ее мать.

А вслед за взлетом через пару лет она с болью дистанционно наблюдала и падение. Медиакрах грандиозного проекта по его персональной неосторожности, одна за другой сокрушительные новости и подробности его жизни на протяжении 2х с половиной десятков лет...

Кажется, в наркоманию помимо денег и вседозволенности его втянула первая и роковая богемная подружка. Он познакомился с ней на съемках второго клипа через полгода или год. И это особенно задевало Трэйси – не могло не задевать. Теперь другая купалась в бэкстейдже, становилась частью его Истории почти обнуляя уникальность участия Трэйси, или попросту ставя ее в ряд с другими.

Это ли задевало Трэйси, или то, что та другая – сделает уже не один, а парочку абортот от него...

Финансово, и ментально.

Позже, до 30, он сделает еще пару попыток (сомнительной удачности) вернуться в индустрию и обзавестись новой семьей, но потом на десяток лет ухнет в колодец бесконечных скандалов, самовредительства и трэша. И тотальной отчужденности человека, разочаровавшегося в жизни, выгоревшего до тла.

Но только Трэйси – знала чуть больше светлого про этого человека, чем все. И ей очень хотелось этим светом поделиться.

Такая вот история. Трэйси была рада, что ее детали – пригодились, и пошли кому-то на пользу. Тейн одна поверила в него – что через столько лет упадка он – не совсем потерянный человек, и сумела победить всех этих призраков.

Трэйси искренне любила эту девочку. Как свою.

3. Родная. (За руку)

Тейн, как и любой современный человек, почти каждый день встречала вокруг, а иногда и сама произносила это сакраментальное слово – Депрессия...

но никогда, по сути, не задумывалась всерьез, что это может значить на самом деле. Она всегда думала, что это – когда просто скучно и грустно. Когда сиюминутные сложно-объяснимые обидки на весь мир, типа ПМС. Ничего, пройдет... Как-нибудь само рассосётся. Так всегда бывает.

...и лишь тогда она увидела, что это означает на самом деле. Когда человек на столько в яме себя самого, что начинает игнорировать повседневные ритуалы:

от сакральных, типа сварить себе ароматный кофе утром, чтоб поприветствовать этот день и этот Мир и подумать о Вечном, готовясь к повседневному,

до обыденных, определяющих норму жизни – убраться в доме и привести себя в порядок, наметить и сделать дела по работе. Накормить пса в конце концов, которого теперь подкармливают соседи, или хотя бы пристроить его в добрые руки. Или просто подать декларацию о доходах (точнее, об их отсутствии), чтоб не получать грозных уведомлений с угрозами о штрафах, и не кричать в соцсетях о том как тебя обижают власти, используя свое некогда весомое, но теперь изрядно потрепанное имя. Которое к ней не имеет никакого

отношения, ведь она последние лет 5 – на фамилии матери.

И тут она увидела, что это такое – когда человек не просто забыл о необходимости приводить в порядок свой окружающий мир, не просто забыл где и в каком состоянии его, некогда трендовые дорогие вещи, и спотыкается о мусор, вставая с кровати, где проводит большую часть жизни,

а когда человек забывает реагировать на внешние раздражители хотя бы лицом...

А ведь когда-то каждый его вздох ловило полмира.

Тэйн никогда не ссорилась с отцом – в этом не было необходимости: все случилось до нее. Точнее, до ее сознательного участия в устройстве структуры собственной семьи и неформальных степеней родственных связей. Мама не запрещала ей общаться с ним – он сам вспоминал о ней не часто в гонке за призраками бывшего успеха. (В основном поздравлял с днем рождения по телефону, часто с опозданием, и извинений там было больше чем пожеланий. Еще в детстве – брал ее на мероприятия, и быстро забывал о ней в пылу дел или налаживаний нужных контактов... Но потом встречи почти иссякли). Ну а Мама просто обозначила в сухих фактах – где ее биологический отец, и кто ей этот теперь изрядно потрепанный человек, который проставлен в ее документах, и фигурирует теперь малоопознаваемым лицом и малоузнаваемым ныне именем на бесчисленном количестве эпичных рэтро-роликов...

...и в новостях, содержание которых обычно мало радовало. Правда, и не било поддых, оставляя лишь осадок негасимой грусти, как заставляет грустить любое увядание. Останавливает, чтоб напомнить о чем-то вечном и неизбежном, и отпустить дальше... Своим путём.

С детства на примере матери она усвоила, что с тем, что с ним происходит – ничего не поделать. И лучше туда не оглядываться. А главное – не вестись на провокации прессы, то и дело пытавшейся выйти на них в связи с этим родством. Для нее – весьма теперь дальним.

Ведь мать через суд добилась, чтоб их имена были убраны из официальных источников его биографий. Чтоб со временем и вовсе затерлись в массовой памяти. Все пошли своим путем – ничего не отрицая. Просто оставив позади.

Словом, они обе – тут ни при чем.

Просто эти тонну лет назад они были молоды, и мыслили несколько иначе – таково было обычное объяснение мамы. Жизнь тогда, в развеселые 90-е, крутилась колесом, и все немного запутались, даже она – Брисс. Обычно этого объяснения оказывалось достаточно, чтоб объяснить факт появления дочери на свет, не ударяясь в трагедии.

Тейн никогда не боялась встречи с ним, но никогда и не жаждала. Она совсем не знала этого человека. Который то и дело срывается, как бы кому ни обещал, растерял и сделал врагами всех бывших друзей, которым многим хорошим объясан, общается до сих пор с постоянной бывлой соперницей

матери в юности, которая его и втянула в гулянки и употребление, любит поскандальить на камеру. Не умеет позаботиться о себе, и за себя отвечать.

Она не боялась подхватить эту «заразу» – мать с детства приучила ее время от времени посещать психотерапевта, и начинать такой разговор с признания «я – дочь наркозависимого», как делала и сама, в слегка другом статусе. Потому что этот статус – он навсегда. Таков постулат. Тейн была прочно приучена, что отрицание – свидетельство болезни, а единственным надежным иммунитетом от предрасположенностей является признание, своевременное обращение за помощью, честность и контроль своих состояний. Спасибо маме, себя саму и её она «прокачивала» с детства.

И все бы так и оставалось,

Но настал тот день лет 7-8 назад. Случилось то письмо в соцсети, вдруг всколыхнувшее нечто, чего она в себе и не подозревала.

Оно словно пробудило латентную, дремлющую древность: поиск той части себя, которая неминуемо связана с понятием «отец». Глобально. В глубину...

Она вдруг поняла, приняла в себя, что Наследственность – это не по части болезней, а по части личности, опыта, неминуемого влияния, почти кармического, накладывающего отпечаток, пускай и едва уловимый, буквально на всё. И дело тут – не в фактах и их оценках. Это – прежде всего твоя связь

с этим миром, которая определяется градусом в уголке этого сознания – либо там тепло, либо отморозено. И эта «погода» – уже вовсе не «смена сезонов», а «климат» твоей жизни.

То есть там, где не было любви и доверия как лучиков солнца и света, там и будет наступать зима то и дело. Сколько ни устанавливай обогревочных ламп.

И тут – этот уголок вдруг согрело откровением, что этот человек, которого она привыкла знать (или – не знать!) – был и мог быть совсем иным. Тем, кого можно было любить,

и тем – кого любили. Тем, кто излучал свет, и искал добра, искренности, прочности. Хотел и умел верить. Отдавать себя. Она сумела заглянуть в ясные живые глаза, пускай и через экран,

и в том уголке ее души, за закрытой дверцей с надписью «отец», который она никогда не стремилась отмыкать, в котором никогда особо не нуждалась, потому что там было непригодное для жизни пространство – ведь там поселилась вечная мерзлота,

там вдруг начало что-то таять... Она вдруг осознала, что эта «комната», без которой она вполне обходилась и «помещалась» – тоже является частью ее «дома» души, и от этого – никуда не деться. Просто там – разбиты стекла. И трещины по углам. И сорваны радиаторы. Пустота... Никто давно и не думал ремонтировать эту старую часть – просто изолировали,

но разве ее получится снести – ведь там – «несущая сте-

на» – «всего дома»... И пока там – обледенелые стены, под-мороживать будет и соседние помещения, и потребуются гораздо больше ресурсов для отопления всей системы...

И именно тогда ее внезапно накрыло откровением, что ей – этого не хватает! Этой части! Что там всё могло быть совсем по-другому! И что сейчас там, куда она так давно не заглядывала – на месте этой связи зияет пустота!

Можно, конечно, «подписать» эту комнату – другой табличкой – «муж», «ребенок» и определить для других нужд... но это место – сколько ни наполнишь чем-то другим, будет сливать многое, чтоб высвободиться для именноОго наполнения: хорошим ли, или плохим. Ведь дело не в «табличке» – там живет «дух». Остальным – другие «комнаты» – рядом! Не эта!

То и дело туда будет возвращаться именно этот образ, и определять что-то важное, все «соседства». Потому что игнорируй – нет, но он – «отец» – есть в ней, встроен в ее подсознание, в ее систему, «архитектуру», ее нематериальное ДНК – неуловимым и неотъемлемым элементом.

Она наконец осмыслила то, что прятала на себя на «чердаках» своих мыслей и чувств: он – пускай не половина, но примерно треть всей ее сущности, 2 из которых слились в равных частях чтоб образовать третью – ее уникальную личность. Которая никогда не станет до конца полноценной, пока не осмыслит в себе и эту часть. Тоже.

A-Mase, Sharliz, The Distance, Igi – **Say It Right The**

Distance & Igi Remix.mp3

Она думала, что искоренила в себе эту генетическую память – как сорняк... Но внезапно нечто мощное и первобытное, необъяснимое, начало отзываться на печальную истину, что когда-то этот потерянный человек – был достоин самых светлых чувств. Пока не потерялся.

Да, то письмо, переписка, потом первые робкие встречи – открыли ей дверь в иное измерение. В новую структуру себя.

Через откровения о другом. Она наконец поняла, почему статус созависимых людей – это навсегда: всякая психотерапия – это «костыли», лишь помогающие заполнить недостающее. Дополнительная опора в случае природного нарушения баланса. Необходимая, и даже порой достаточная, но все же – мера компенсации.

Иногда это – замки. Вместо наведения порядка.

И тогда она начала потихоньку отогревать себя рассказами о нем, воспоминаниями, хоть и чужими. И достраивать собственную личность этими «кубиками», обнаруживая пробелы в своем сознании.

Она начала отогревать память. Свою, пускай и с посторонней помощью.

Потом – осторожно, тайком, ничего не объясняя, начала расспрашивать мать. Ворошить.

Получилось не с первого раза, но вскоре достались с дальних залежей ностальгического хлама (вторых, какие она повидала за последнее время) и частные архивы, которые мать,

возможно, прятала от самой себя, где новорожденная дочка – на руках молодого, счастливого игривого как котенок, отца. Успешного, востребованного, красивого. Мать не хотела травмировать, ранить, «шебуршить» ее. Но Тейн было уже 18. И мама поняла, что отказ и игнор – будет большей травмой, чем правда.

И тогда мама, которая потратила столько лет, чтоб вычистить из себя все пагубное, через «нехочу», через «немогу» стала заглядывать в прошлое. И сознаваться, что однажды ухнулась в фанатизм, который оправдывала себе как могла. Да, он был беспечным юнцом, и это не сложно было разглядеть трезвым взглядом... Но далеко не всем удавалось смотреть на него трезво. Таким путем сложилась его карьера, двусмысленная порочная легендарность и даже временная «богатость». Если же смотреть на трезвый отжим всего, что было, то просто они были не готовы для отношений. Он искал себе в ней подружку-друга, а она его обожала, она нашла себе Героя. И проживала свою собственную сказку. Которой рано или поздно наступил конец. Виноваты – оба. Обмануты – те, кто обманулся.

Так Брисс начала приоткрывать свою историю, наполняя ее осторожной теплотой, отфильтрованной от боли ностальгией. А Тейн тайком украдкой сверяла эту историю —последовательницу – с той, первой. Она принялась не сравнивать, не сталкивать – просто «склеивать». Она не думала общаться с 3й знаковой женщиной отца, которой его досталось больше

всего, но которая сама была глубоко в своих патологиях. Но эти 2 источника она сумела слить в «речку с чистой водой», и начать промывать этим свои застои в сознании, связанные с папой.

Она все меньше начала бояться смотреть многочисленные записи, где он – яркий до культовости. Она начала осмысливать степень природной притягательности, дарованной ему природой, цену его успеха, примечать нюансы его исходного характера, замечать и потихоньку, по кирпичику разбирать признаки его личных травм. Она хотя бы «застеклила окна и замазала трещины», в которые «выдувало» любое тепло. Она начала «заходить» туда внутри себя, и «вычистила мусор» обид и отрицаний. Это – пока никакие не прощения, тут не было никаких планов по новой обстановке – просто «выкинуть мусор» и «отмыть» застарелую, въевшуюся грязь.

Потом, она начала ему позванивать. Этот слегка обрюзгший к своим 40 годам человек удивлено растерянно радовался и почти смущался, что она вдруг вспомнила про него. Уточнял – почему, может, ей что-то надо? Сокрушался, что мало чем может ей помочь – он сам на государственном пособии. С ним не хотят сотрудничать по причине его неблагонадежности. Она вдруг начала замечать, как виновато, «поджав хвост», он говорит с ней, путаясь в своих интонациях. И поняла причину его избегания разговоров о встречах. Он с острейшей осторожностью как бродячий пес, не верил, что она позвонила уточнить просто «как ты там?», выискивая и

вынюхивая скрытые подробности. А она – вслушивалась в голос, и какие-то пиксели внутри нее, в ее чувствах, казалось, давно отмершие, вдруг загорались светом, достраивая картинку ее мира, постоянно меняющуюся, как на плазменном экране. Просто теперь – чуть более целостную, какими бы красками она ни играла в данный момент. Там могут быть любые сюжеты, но теперь ничто не отвлекает – никакие темные точки.

Словом, она производила внутри себя ремонт. Дело долгое, энергозатратное, требующее подчас предварительных разрушений. Терпения. И упорной работы.

Но главное – уже по телефону она замечала, узнавала «бардак» в нем самом. Такой же точно, какой она нашла в себе самой – в том уголке себя, именованном им. И осознала, что ремонт – требуется не только ей.

Однажды она приехала к нему сама. Просто так – пообещав мимоходом, и внезапно выполнив. В шатко-валко перестроенный частный дом в столичном пригороде, доставшийся от бабушки. С двором и мангалом.

И тогда она увидела бардак настоящий... Вот тогда она открыла для себя истинное «лицо» депрессии. Она увидела перед собой человека, который долго гнался за уходящим поездом, пока не выбился из сил. Который споткнулся, упал ничком на землю, ушибся и устал, и не находил больше в себе сил подняться. Как и понимания – зачем.

Она как раз была тогда примерно в том возрасте, в котором он был на своем пике, когда на него молилось полмира... Придя к нему, она была еще не звезда,

но и не чаяла этого. Мама научила ее, что блеск сцены – это мечта, которая изнутри исполняется весьма неожиданно, а психотерапия – научила что жажда звездности и обожания – это чаще всего компенсации каких-то дефицитов.

Да, она тогда была именно в том возрасте, когда он – блистал в музыкальном мире.... Она с детства была посвящена в эту легендарную историю... и лишь теперь открывала для себя, что совсем её не знала. Изнутри.

Поборов в себе шок и острейший приступ ядовитой жалости, граничащий с безысходностью, она нащупала основу, на которую решила опираться: она вспомнила мальчишку, о котором рассказывала Трэиси, а потом мама, и попробовала отыскать в этом потерянном брэнном создании – того. Исходного.

– Привет, Пап! – сказала она, печально оглядывая обстановку, и помня, что в группах поддержки осуждение, явное или скрытое, как и обратная сторона его – всепрощение, игнорирование правды – признаки созависимого поведения, – Я пойду сварю кофе. А ты вставай, одевайся, и затеем уборку. Ничего, что болеешь, будем выздоравливать по ходу дела. Это и все, что у тебя есть из еды? И как ты не поправляешься на пиццах, счастливчик? Хорошо, что я захватила бекон. И яйца. И немного овощей. Ну как? А где у тебя ур-

на? Так, кажется, нам понадобятся строительные мусорные пакеты. Вставай, смотри, я привезла тебе презент – брелок Бивиса и Бадхеда.

Это Рич рассказал ей, как по детству, а потом уже старше чем подростками они играли в этих персонажей, и повсюду собирали эту символику. Готовы были неделю пахать разно-рабочими, чтоб купить себе по бейсболке с мультяшками.

Настраиваясь на этот визит, собираясь духом, она решила позвонить его некогда, в детстве, лучшему школьному другу, который по-случайности и привел его тогда в про-ект... Она уже не помнила, откуда, но знала точно, что главным исполнением самых смелых мечт для него были не день-ги и слава, а то, что он проходил этот путь с этими вот небез-различными людьми, связь с которыми выросла в него еще в школе.

Друзья... Однажды она услышала в одной из давным-дав-но брошенных фраз Райса, что не будь тогда детей у его бли-жайших друзей, у него она тоже появилась бы вряд ли. Оста-вить одну из многочисленных беременностей многочислен-ных подруг его побудил... «коллективизм». У друзей ведь получилось, потому не испугало и его... Так что его отцов-ство в неполные 20 было «подсмотренным». За компанию. И она просто была благодарна за свое везение, за этот жребий, и давно приняла этот факт как данность. Просто тогда он – именно так понимал жизнь. Именно так её измерял.

Тейн знала, что теперь он в глубокой опале бывших, неко-

гда таких близких людей, с которыми столько достигал и которые столько для него значили, и ныне между ними то-ооолстая стена из неосторожно, а чаще – намеренно брошенных в адрес друг друга колких слов и провокаций. Она и не мечтала, что Уолтер или Рэй захотят разговаривать с ней, по крайней мере о нем. Уолтер всегда был особенно добр и чуток с ней, но открыто избегал упоминаний ее отца. Впрочем, раньше ей это было и не нужно... Они были по одну сторону «барикад». Все они были так или иначе – теми, кому от него «досталось».

Словом, она понадеялась на Рича. Тот – будто б ждал, что рано или поздно это случится – что она позвонит и спросит. Он вкратце, без дамской лирики обрисовал ей примерно то же, что она слышала и прежде... Прикольный, легкий, полетный. Задорный. Позвав в гости, Рич припомнил пару забавных историй, которых она раньше никогда не слышала – нечто очень персональное. Эксклюзивчик. Стройки, вечеринки, авантюры... И как они дурили его несчастную бабушку.

Понастольгировав, отец 2х дочерей примерно ее возраста осторожно напомнил, что она вступает на весьма «шаткую почву» – общение с человеком крайне неуравновешенным... Физической агрессией Райс никогда не отличался (с его комплекцией и профилем он мог только эпично поорать в знак возражения, и чаще всего, выхватить за это сам... До больницы... Что его, впрочем, никогда не останавливало), но

непоследовательность его, перепады настроений, двойственность – могли свести с ума кого угодно.

Тейн заметила, что каждому, к кому она обращалась за «Райсом старого образца», приходилось пробиться к этим светлым воспоминаниями через толщу, сквозь толстый слой негатива, раздражения всем, что осело за эти долгие годы. Однако никто не отказал ей в этом.

Или... ему?

Она начала привыкать: нужно было это просто перетерпеть. Переждать, пока «попылит осадок», ведь все давно смирились, что Райс – больной человек, потерянный. И нужно дать каждому время докопаться до того слоя памяти, когда все было... чисто. Слоя, который не истлел, так чтоб совсем, но похоронен где-то ооочень глубоко.

– Ну... мне сложно судить, – сказал Рич, который когда-то и сам обернулся тем обиженным, кто предъявлял ему незаслуженность и «самозванство» его успеха, столь желанного и ценимого остальными, и который потом не раз сталкивался с досадной незаменимостью Райса в попытках реанимировать музыкальный проект, – кто он сейчас? Да, у всех бывают кризисы, но его-шний – будем честны, затянулся. Однако кто может винить дочь в желании вернуть отца? Не знаю что получится, но удачи тебе! Осторожности и терпения, ведь все пытались его вразумить, и я не исключение. Словом, участвовать не обещаю, но помни, что я... и наверное, мы все – всегда рядом с тобой. Передавай привет Бриси. И это...

Держи в курсе! Забегай еще!

Осмысливая тот разговор, Тейн прихватила в ближайшем ларьке дешевый брелок. Одним из скудных воспоминаний детства были эпизоды, когда она теребила на шее отца крупную цепочку или кулон, или кольцо на пальце, или в ухе, или бейсболку, или нашивку на куртке... Так что почти детская неистовая любовь ее отца к кричащим аксессуарам и безделушкам была, пожалуй, самым ярким воспоминанием ее детства. Ведь это были 90е, когда все казалось доступным, ярким и безграничным. И это был один из самых стилистически смелых персонажей своей эпохи, при чем не только в порядке съемок. Он и сам был похож на одну большую ее игрушку – все в нем было цветастым, манким и интересным... тогда...

А сейчас вещи его, при чем не всегда дешевые, были в по-оолном беспорядке. Хоть в ухе все еще и торчал едва заметный «гвоздик». Она поманила его игрушкой, и, выманив из его мрачного убежища с задернутыми днем шторами, протянула ему маленьких пластиковых мульташек.

И надо же, его глаза загорелись! Он передернул плечами, как настоящий хопер, (ведь бывших – не бывает. Только если Рич... Ну как не поддразнить по старой памяти?), откопал со дна полку, вероятно, последнюю чистую майку, затянул потуже на талии шнурок серых споривок, поел, с плохоскрываемым любопытством изучая ее. Они много лет видели друг друга практически только в соцсетях. И те-

перь он, казалось, до конца не верил в просиходящее. В то, что все так... просто.

– Как Брисс? – спросил он отвлеченно и вежливо-прозрачно.

– Да ничего. – отмахнулась она рассеянно, – Фитнес-студия процветает, затеяла очередной ремонт дома. Она влюблена в этот дом. Тот, что ты оставил нам. Так что в норме.

– Отошла от 3го развода?

– Да, уже 2 года как! Только... она не в курсе, что я тут. Не сдавай меня, ладно?

Ему не пришлось давать этот ответ вслух. Как ему это сделать-то? Брисс все равно не возьмет трубку и не откроет его писем. А увидев его приближение, вызовет полицию. Так что в его растерянном согласии выполнить просьбу дочки бегущей строкой пробежало рассеянное и саркастическое заверение, исполнить которое будет легче, чем не исполнить.

Тэйн знала: когда-то он посвящал своей актуальной подруге (именно таковой он воспринимал законную жену) те немногие песни, что написал сам, и которые даже становились хитами, всегда носил обручальное кольцо, никогда не скрывал своего семейного положения от прессы и фанов, скучал и нежничал в частых и весьма дорогих тогда телефонных разговорах... Уезжая, спешил вернуться! Жить вместе у них получалось странно, но судя по всему, он верил в эту свою спонтанную семью. Или – старался верить. Просто не умел справляться с искушениями.

Ну да дело – былое. Она сюда пришла не для перемирий родителей – не по столь детским запросам. Все – давно взрослые самостоятельные люди.

Это – была не первая его романтическая история. И не последняя. Ну, живой же человек, у него – свое... там... на душе. Активный впечатлительный чувствительный мужчина, еще не старый, с багажом опыта – бывшего и... будущего. Куда деваться. Так что она просто мысленно поблагодарила его за учтивость, за проявленное пост-скрипту-уважение к ее матери, лучащееся в просветленных глазах. Она была благодарна ему и за то, что он хотябы верил, или старался верить в их семью – тогда. Ей это было важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.